

A photograph of two women floating on their backs in deep green water. They are both wearing one-piece swimsuits; the woman on the left is in a red one, and the woman on the right is in a green one. Their arms are raised above their heads, and their bodies are partially submerged, with water splashing around them. The lighting is bright, creating a shimmering effect on the water's surface.

Светлана
Павлова

смена

Эта книга — про предрассветные
летние приключения, юность,
море и первую любовь

Светлана Павлова
Смена
Серия «Trendbooks»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69736645
С. Павлова. Смена: Клевер-Медиа-Групп; Москва; 2023
ISBN 978-5-00211-085-8*

Аннотация

«Будет весело», – обещает Люська. Так две подающие надежды студентки журфака на лето становятся вожатыми детского лагеря.

За одну смену можно многое успеть. Завести тайный роман с поваром. Победить буллинг, используя непедагогические методы. Возненавидеть и снова полюбить Люську – ту самую красивую лучшую подругу, на которой купальник всегда сидит идеально. Но главное – ответить на жизненно важные вопросы.

Что круче – свидания под луной или поход в модный рестик? Что важнее – репутация или справедливость? Правда ли, что в дружбе всегда есть ведущий и ведомый?

Используется нецензурная брань.

Содержание

Часть I	5
В деканате сказали	5
Юля	9
Ваня	13
Молодой дружный коллектив	17
Антон	25
Ехали цыгане	32
Люся	35
Жена	53
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Светлана Павлова

Смена

© Светлана Павлова, 2022

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2023

Художественное оформление © Duet Postscriptum

* * *

*Моей бабушке, Валерии Петровне Павловой.
Я знаю, что ты прочтешь.*

*Мы просто забыли. Но маленький школьник
За нас расплатился, куда не вырос,
И в пальцах дрожал у него треугольник.
Сегодня бы, взрослый, он это не вынес.*
А. Кушнер

Часть I

В деканате сказали

В деканате сказали, что без практики не переведут на следующий курс. Потом, пожевав губу, добавили, что самые достойные виды деятельности уже разобраны. Достойным считалось перебирать бумажки в ИТАР-ТАСС и сопровождать на экскурсиях благополучных французских пенсионеров. В итоге нас с Люсей поставили перед выбором: переписывать картотеку факультетской библиотеки или поехать в лагерь «Чайка» вожатыми. Люся первый вариант сразу отвергла, мотивировав отказ аллергией на пыль и плохим почерком. Она об этом так быстро и складно отрапортовала, что никто из присутствующих не усомнился в честности Люськиных слов – в том смысле, что ни грамма правды там не было (до нашей методички уже давно доходили слухи про Люськины таланты по части художеств в студенческих зачетках и ведомостях). Но *этой* вечно все сходило с рук. Моего мнения она даже не спросила – просто взяла два листка, расписалась за нас обеих, вонзив ярко-красный, доведенный до идеала ноготок напротив наших фамилий, и деловито отправила меня собирать шмот. Пока в мой чемодан летели солнцезащитный крем, теплые носки и лекарства от всех болезней – то

есть то, что Люська никогда и не подумает взять с собой, потому что повезет тысячу платьев, красных помад, каблучастых босоножек и миниатюрных нефункциональных купальников, – меня не покидало одно-разъединственное ощущение: не свою я жизнь живу, не свою.

Сначала журфак, на который поступила, потому что так хотели родители. Мои мама и папа – типичный институтский роман. И к тому же редкий вид пар, чьи мнения всегда совпадают. То есть абсолютно во всем – от незначительных вопросов вроде что есть на ужин и какие обои поклеить на даче до планетарно-масштабных вроде как жить, чтобы было правильно. На моей памяти разошлись они только в одном – моей будущей профессии. Тревожный отец, всю жизнь, кажется, проживший в ожидании черного дня, на который копил и ради которого выжимался, молил об отделении рекламы. А мама считала, что идти надо на международку, ведь там «много мальчиков». Выбор мамы мне понятен: женское счастье – был бы милый рядом. В других вопросах мама и папа всегда умели найти компромисс. Компромисс, как известно, только прикидывается изысканным способом одержать победу обеим сторонам, а на деле обычно выходит полная ерунда. И мое имя, Виолетта-Виктория, – лучшее тому подтверждение. Ума не приложу, неужели эти двое не понимали, что человек по натуре своей существо ленивое и такое нагромождение букв произносить не способен? Короче говоря, сложносочиненная конструкция трансформировалась

в два жалких огрызка – Ви или Вета (кому как удобнее), с которыми мне приходилось жить. Жить приходилось еще много с чем: кофе с сахаром по ошибке, непроходимо тупыми учениками, одобренным папой женихом Вадиком, сапогами на размер меньше, потому что «из Италии», и вечной Люсиной придурью.

Кажется, тем единственным, благодаря чему я держалась на плаву.

* * *

Нам оплатили только проезд, и выданного хватило, естественно, лишь на плацкарт. Я предложила добавить своих и полететь. Люська сказала, что боится, но мы обе знали, что она просто жадничала. Еще нам дали каких-то стыдных денег типа суточных или премии; дали со словами: «На мороженое». На мороженое мы эти 513, что ли, рублей, еще не зайдя в поезд, и потратили. Билеты покупала Люська, поэтому, ясное дело, все перепутала: я оказалась на верхней полке вместо нижней, как просила, да еще и одна, через семь вагонов от нее. Странно, что мы вообще тогда успели. Всем вроде бы известно, чем отличаются два разнесенных по полюсам Кольцевой линии вокзала – Киевский и Курский. Но коварство первой буквы почему-то продолжает играть с пассажирами злую шутку.

Едва колеса поезда тронулись и послышался хруст разво-

рачиваемой фольги, едва навязчивый куриный, мариновавшийся часами запах проник из начала вагона в самый его конец, едва успело исчезнуть из виду здание вокзала, ко мне обратилась сидевшая по соседству цыганка. Разумеется, каноническая – с тремя сумками в черно-красную клетку, пятью мешками и плачущим ребенком, спрятанным в складках бесконечного бархата. Попросила поменяться местами. Сказала: «Дорогая, войди в положение». Чтобы войти в положение, нужно было пересечь на боковую. Мне было страшно отказывать цыганке, но перспектива провести двадцать семь часов на боковой полке не радовала, и я сказала «нет». После чего, честное слово, услышала, как она прошипела: «Не поменяешься – прокляну».

Короче, пришлось согласиться. Став полноправной бенефициаркой моей полки, цыганка просияла и уже четко сказала: «Там, куда едешь, встретишь любовь. А через три дня, как познакомишься, будете целоваться». «И что, на этом все?» – хотела спросить я, но дерзить цыганке – дело сомнительное. Не стала. А сейчас понимаю – стоило, потому что слова оказались пророческими. Но про это потом. Сейчас про другое, про важный день – день нового заезда.

Юля

Смена, о которой пойдет речь, была для нас третьей по счету. Мне дали отряд плюс-минус тринадцатилеток. Это, я считаю, меньшее из зол. Под остальными подразумевались ярко накрашенные девицы и басыщие амбалы в возрасте с пятнадцати до семнадцати. И малыши от семи до одиннадцати. С ними совсем как-то боязно: хрупкие докучливые зверята. Отряд был смешанный, девятнадцать человек. Прямо как в той песне про грустную статистику. Три Кати, две Маши, по одной Оле, Марине и Юле. И еще один, кроме меня, объект сумасшедших родительских фантазий – Иванова Джульетта Сергеевна. Из мальчиков было два близнеца – Всеволод и Лука, рыжие, веснушчатые, кривоzubые, с бесстыжими глазами. Кроме них, заикающийся Ваня с Чукотки, картавый Стасик, вечно сонный и вечно голодный Федя (впоследствии Кекс), громкие Денис и Петя, говоривший исключительно на мате Толя и коренастый Жорик. Жорик носил бежевые бриджи, майку-алкоголичку и крутил на пальце длинную цепочку со связкой ключей, являя собой точную версию своего отца в уменьшенной разве что ширине. Дать ему в руки борсетку – и вот тебе маленький таксист. Он сразу предупредил меня, что матерится с шести, курит с восьми, а бухает едва ли не с рождения и что своим привычкам в лагере изменять не собирается. Любезно согласился делать это за

территорией. «Конину с папкой глушим в гараже по пятницам, ясно, да?» – «Да и на здоровье», – ответила я. Жорик, обнаружив потенциального поля для конфликта, отправился участвовать в дележке кроватей – лагерный baptism of fire, с первого же дня, увы, устанавливающего вожака стаи. «Чур моя у окна!» – гаркнул Жорик и ловким обезьяньим прыжком долетел до самой козырной кровати – угловой, у стены, смотрящей на море. Сопротивления Жорик не встретил.

Память на имена у меня жуткая, поэтому в первый день я придумала вести в телефоне заметки, куда потом подсматривала.

Стасик – в фиолетовых сандалиях, смешно подковыривает в носу.

Марина – одевается как Бритни Спирс.

Жора – попросил сгонять за «Беломором».

Найди кто-то подобную заметку, меня бы, наверное, четвертовали. Поэтому я их не берегла – стирала после очередного заезда. Список удалялся, а вместе с ним имена, лица и истории детей. Они исчезали из моей памяти охотно. В отличие от других вожатых я вообще ни с кем не сближалась. Удивлялась тому, как искренне Люська ревет при расставании. Тому, что Ане не лень провести ночь за плетением десятков прощальных фенечек. Тому, что Ника после конца смены смотрит соцсети детей. У меня внутри не было ничего. Пустота. Белый лист. Однако в этот раз все повернулось иначе.

Юлю я выделила из толпы с первых минут знакомства, честное слово. Она была обычной девчонкой, про каких сразу понятно, что из неблагополучной семьи. Заношенные футболки в катышках, походка опасливая, крадущаяся. Юбка длинная, совсем не девичья, потрепанный подол. Черные, явно чужие носки с парусящимися пятками, обкусанные губы в кратерах герпеса. Все время лохматая, с торчащими, как у Эйнштейна, проволочками волос, обгрызенными многоугольником ногтями и черной полоской грязи под ними. Но было что-то еще, цепляющее; цепляющее нет, не взгляд, и это не давало мне покоя весь день. Только заметив, что Юля несет в душ мужской шампунь, я поняла, в чем дело. Запах. Вонючий запах Nivea, который обычно слышится от папы или дедушки, но никак не от девочки четырнадцати лет.

– Юля, а зачем тебе мужской шампунь против выпадения волос?

Юля заглянула в пакет удивленно, будто сама не узнавала его.

– Ой. А я не заметила. Меня папа просто собирал. Он со смены был и на работу другую опаздывал.

– А мама что же?

– А мамы нету. Мама не с нами.

Я не знала, что ответить. Казалось, что и так позволила себе бестактность, не сумев сдержать любопытство. Поэтому не ответила ничего, молча протянув ей единственное, что

могла дать в тот момент, – ополовиненную бутылку ванильного мыла. А через пять минут уже летела в ближайший супермаркет, где кидала в корзину все розовое, клубничное, мармеладное и прочее милое, считавшееся «женским». На ознакомительных планерках нас серьезно стращали по поводу нарушения субординации, но в тот момент мне было все равно.

Мысли о Юле не давали мне покоя весь первый день заезда. Не покидало ощущение, что я ее уже где-то видела.

Но где?

Ваня

– Кто насрал в душевой поддон?! Я спрашиваю: кто насрал? Кто-о-о-о?! Кто, сука, насрал в душевой поддон?

Кричала воспитательница Елена Санна. Она всегда кричала. Крик был ее нормальным тоном голоса.

Я оторвала голову от подушки. 06:47. Еще бы ей говно везде не мерещилось – вскакивать в такую рань.

– Не я, Елена Санна. Честное слово, не я.

– Все шуточки шутишь, Ларцева. Ты у меня довыдываешься.

– Да не шучу я. Подождите, Елена Санна, а вы уверены, что там правда ... ну... человеческое? Вдруг это Пират ночью пролез?

Даже по достижении двадцати лет я не научилась произносить вслух слова вроде «месячные» и «срать». Как и многие другие термины, связанные с выделительными процессами. Потому пользовалась нелепыми эвфемизмами.

– Ты, дорогуша, чего думаешь, я человечье говно от собачьего отличить не умею? В лагере уже тридцать лет как пашу, в отличие от вас, пигалиц немощных. Тем более Пират – псина воспитанная. Не то, что вы.

Люся примирительно предложила перестать орать и отправиться изучить артефакт. И мы пошли. Мне лично все стало ясно еще на пороге, благо с обонятельными рецепто-

рами у нас взаимопонимание. Так что за тем, как консилиум из трех вожатых и одной воспитательницы склонился над душевой, я наблюдала из дверного проема.

Изучение много времени не потребовало.

– И вправду человечье, – весело сказала Люся.

– Ну и как оно здесь, спрашивается, появилось? – Елена Санна снова начала переходить на крик.

– Может, братья эти? Как их там... Ярополк и Ростислав? – предположила я.

– Они Лука и Всеволод, Ви. И зачем им в душе-то срать, скажи на милость?

– Ну... Они выглядят так. Хулигански.

– Это как ты выяснила?

– Эмпирически. Отстань.

Я подняла голову на Люсю и увидела, как она одними губами, говорит: «Иди на хуй».

– Сама иди, – ответила я вслух.

А потом вспомнила.

Вспомнила, как вчера вечером Ваня (*Заметки → Ваня, испуганный, с Чукотки, в серой рубашке до колен*) долго не мог найти себе места, мыкался из угла в угол, будто что-то искал, но не отвечал на вопросы и предложения помощи. Потом до меня дошло: ищет туалет. Ну я и сказал: мол, вон туда.

Если бы я знала, что на Чукотке еще остались семьи, которые прячут своих детей от вертолетов, развозящих местных ребят по школам-интернатам, – прячут, не в силах вы-

нести девятемесячной разлуки и из страха лишиться помощи по хозяйству. Если бы я знала, что Ванин папа – записной алкоголик, а это для чукчей, не имеющих в желудке особого фермента, почти равно смерти – пусть не физической, но моральной. Если бы я знала, что Ванина мама – не только жена непроходимо глухого к импульсам жизни оленевода, но и волшебница. Выбила путевку и сумела отправить сына на первую встречу с новым миром.

Если бы я знала.

Но я не знала. Уже потом я находила спасение в мысли, что моей вины тут ровно половина. Все-таки не будь Елена Санна верна привычке орать не подумав и позволять всему, что появляется в ее голове, выходить изо рта, судьба Вани имела шансы сложиться иначе. К нему не прилепились бы клички Дерьмоед и Иван-Кал. Он не оставался бы без вкусного на завтраке, потому что не ждал бы, пока в туалете на семь кабинок не останется людей. Он был бы обычным ребенком с необычной судьбой, впервые пролетевшим на вертолете над синей тундрой, севшим на вездеход, а после – на поезд. Ребенком, который впервые опустил бледные ноги в соль моря в возрасте тринадцати лет.

С Ваней мы проболтали весь день. Эти разговоры дали мне понять, что из нас двоих это я – непроходимая невежда. Такое случается, когда начинаешь верить, что жизнь ограничивается виртуальными событиями. А она тем временем бывает другой. Бывает жизнь как у кочующих народов Севера.

Их дети не могут делать презентации с последним слайдом «Спасибо за внимание». Они не могут прогуливать физру и пить какао с пенкой в школьной столовке. Они не могут проспять первый урок, потому что в тундре вообще нельзя ничего проспять: она играет со светом и тьмой, как хочет, диктуя человеку особый биоритм. Ваня сказал, что вариантов у местных не так много. Есть кочевые школы, которые, по идее, должны решить невыполнимую задачу: дать детям знания, не разлучая их с родителями. И есть интернаты, куда забирают на целый учебный год. Минус их в том, сказал Ваня, что после учебного года в цивилизации теряются навыки жизни в тундре, ориентиры в пространстве и переданные от поколения к поколению знания. Так истончаются родственные связи и образуется замкнутый круг. После полноценных одиннадцати лет учебы в стойбища возвращаются единицы. И кому это, спрашивается, надо? Родителям Вани точно не надо. У родителей Вани другие заботы – бороздить бесконечную тундру, перевозить чумы, собирать скраб и видеть каждый день одно и то же: снег, недостижимый горизонт и олений хвост.

Молодой дружный коллектив

– Звонок на детское радио: «Моего друга Сережку завтра родители везут в лагерь. Поставьте для него песенку “И сизый полетел по лагерям!”» Я не понял, Ларцева, чего не смеемся? Вожатая, блин. Кто вас понабрал сюда, без чувства юмора? – Физрук Виктор Михалыч не любил, когда не смеются его анекдотам. А потом сразу давил на чувство вины: – Ты, может, и детей не любишь?

Я ненавижу этот вопрос. Потому что, когда вру, я краснею, а детей, если честно, терпеть не могу. За исключением сына наших младородящих друзей, трехлетнего Санька – такой он маленький, пахнущий молоком, медом и присыпкой юркий зверек. Аж страшно иногда, как хочется его до смерти затискать. Когда я беру его на руки, что обычно случается на вечеринках, потому что Санька не с кем оставить, на мгновение всё становится как будто понятным, трезвым, спокойным и теплым. Только покалывает что-то в груди. То ли материнский инстинкт, то ли невралгия. Таких чувств во мне больше никто не вызывает. И выражение «Дети – цветы жизни» я считаю бессмысленной комбинацией слов. Цветы жизни, очевидно, не дети, а нормальные, обычные такие цветы – ромашки там, гладиолусы, лилии. Ну, или лизиантусы, у кого вкус повзыскательнее.

Однажды мне надоело стыдиться, и я ответила: «Педаго-

гическая миссия важнее сантиментов». Я не врала, к третьей смене миссия и вправду придумалась: отучить хотя бы часть отряда от слов вроде «денежка» или «кушать», привить правильные ударения, надоумить прочитать что-то из приличного и избавить от привычки вытирать руки о штаны. Сейчас понимаю, что программу стоило бы наполнить более прикладным – например, объяснить девчонкам, что, услышав отмазку «давай без, у меня аллергия на латекс», лучше бежать куда глаза глядят. Или, скажем, что худеть, вызывая рвоту, некруто и чревато выпадением зубов. Жаль, что я так и не осмелилась.

Парням свои идеи я продавала как инвестицию в будущее. Апеллировала к известным мне историям про свидания, скоропалительно завершившиеся после одной лишь ошибки в произношении фамилии Бальмонт. Но они не покупали, предпочитая другой ассортимент: сиги, чипсы, карты с голыми девицами. Женской же половине можно было и вовсе не продавать. Спасибо родителям постсоветского пространства, унаследовавшим от предков хитроумный упрек: «Но ты же девочка!», что взращивал в самых уязвимых из нас безропотность, смирение и покорность судьбе.

Далеко не все в отряде с восторгом относились к идее внутреннего роста. И я могу это понять: двадцать один день без предков хотелось провести по-человечески – то есть бессовестно и полноправно деградируя. Только не подумайте, что я была изувером или деспотом. Свои развлечения я ни-

кому не навязывала. Не стремилась приручить бунтарей; довольствовалась образовавшейся, пусть небольшой, но все-таки свитой. За поглощение пюре ножом и вилкой я разрешала им не спать во время тихого часа, а за поедание супа, не загребая, а отгребая ложкой от себя, как велит этикет, могла закрыть глаза на пропущенную уборку.

Теперь вечерами, когда большинство девчонок надевали розовые велосипедки и поролоновые лифчики, чтобы предаться жарким радостям пубертата на дискотеке, моя пятерка собирались кружочком в беседке. Единственный, пожалуй, за всю мою жизнь кружочек, где я была центром. Они все в панамках, потому что мы так договорились. Смотрят доверительно, будто думают, что у меня есть тайное знание. А тайного знания меж тем нет и в помине, поэтому повестка такая: «Вино из одуванчиков», «Над пропастью во ржи», «Гарри Поттер», «Джейн Эйр». И никаких тебе чибисов, проблем чувства и долга, быть или казаться. Демократичность программы, правда, однажды сыграла со мной злую шутку, когда притащились парни – читая вслух Паланика, но больше гыгыкая и краснея на неловких словах. Спустя час они утратили к нашему собранию интерес – отваливались по одному, всё больше заражая друг друга зевотой. В итоге мы остались девичьим кругом: читали по очереди вслух, стесняясь своих голосов, учились говорить громко и четко, не получалось, но все равно читали и говорили, говорили, говорили. Я чувствовала себя лидером суфражисток, а еще –

впервые в жизни – что живу не просто так, а по специально задуманной кем-то причине.

Надо сказать, осмысленная миссия в лагере была не у одной меня. Например, буфетчица тетя Лариса в конфетно-розовых кофточках не ленилась ежедневно вырезать из наскоро прочитанной в автобусе газеты гороскоп и вставлять его под стекло прилавка. Циники скажут, что это, мол, хитрый маркетинговый ход. Но они так подумают, потому что не знают простого и понятного нутра этой женщины, свято верившей, что ось мироздания качается от показавшейся из-за угла черной кошки, блеснувшего пустым дном ведра или разбитого зеркала. Заботливо разглаженная бумажка лежала себе поверх сникерсов и дешевых твердокаменных жвачек, ежедневно будоражила умы, вызывала споры и становилась главной темой для обсуждения за завтраком. Девчонки, перекрикивая друг друга, выясняли, у кого «сбылось вчера», парни похабили судьбы знаков на разные лады, а тетя Лариса улыбалась лукаво и думала себе всякое о предназначении пророка.

Не менее пассионарным был физкультурник Виктор Михалыч, в прошлом спортсмен, но уже далеко не атлет. некогда острые, судя по глядящим со старых стенгазет фотографиям, а теперь оплывшие черты лица недвусмысленно намекали на некоторые его неспортивные пристрастия. О принадлежности к ЗОЖ сегодня говорили только кроссовки и ярко-красный свисток на шее. Не знаю уж, отчего культу-

ре физической он предпочел культуру народную, но вот уже двадцать лет в конце каждого мая Виктор Михалыч расчехлял свою тетрадку с анекдотами – 63 штуки, по количеству дней в трех сменах стремительного лета, – и рассказывал их на утренних планерках. Это было нечто намертво укорененное в жизни – такое же, как вечерние новости с Екатериной Андреевой, пустое первое января и отсутствие свободных мест в электричке, когда жарко, все потные, а ты с пятью сумками и очень устал. Анекдоты были средненькие. К тому же пропитанные мизогинией. Типа «Вожатая, пересчитывающая детей во время купания, надеялась, что после 27 идет 29». Мы всё равно стоически хихикали – профессиональная солидарность как-никак.

Директриса «Чайки», по паспорту Ирина Тимофеевна, а в миру отчего-то Кубышка, была образцом человека, неумело балансирующего на периферии эпох. Это проявлялось хотя бы в том, как она носила часы: на правой – Apple Watch, с которыми щепетильно сверялся пульс и шаги, а на левой – золотые, с финифтью, совсем не статусные, для красоты. Мужнин подарок. Она хотела быть современной, а потому общалась с детьми формулировками формата «Ну чего флексим, пионэры?». Еще Кубышка любила мультимедийный подход в воспитании детей (то есть анимированные презентации power point) и не любила субординацию (то есть на полном серьезе советовала вожатым, как правильно устроить личную жизнь, потому как знала лучше всех, кто на самом деле

кому подходит). Кубышка обожала власть, наводить страх, когда перед ней кланяются. И без зазрений совести пестовала идею прямой взаимосвязи благосостояния «Чайки» с собственной персоной на протяжении двадцати семи лет. Отсутствие электоральной ротации воспринималось как данность. «Без Ирины Тимофевны ничего бы не было», – говорила она о себе. Почему-то в третьем лице. Всегда в третьем лице.

Еще один персонаж, которому у меня никак не получалось симпатизировать, была старшая воспитательница Елена Санна Глызина, прозванная в лагере Гильзой – за фонетическую схожесть с фамилией и недобрый нрав. Занудная. Злая. Невыносимая, как капитальный ремонт. Она не разговаривала даже, нет, все цедила сквозь безгубый, компенсированный жирным слоем помады рот. Вот нас воспитывал комсомол, а вы непоротые. Вожатая она! Ты погляди, майку какую напялила. Прикрой срам-то, не то выгоню за аморалку. Со всем уже оборзели мне тут секс на глазах у детей устраивать. Щас мне всё СПИДом тут перемажете. И так далее, и так далее. А ходила-то как, как ходила – решительной походкой, будто всегда наготове что-то разрулить или по морде дать, если надо, всему миру сообщая о намерениях воинственным цоканьем каблуков. Нимб пергидрольной сахарной ваты над ее головой обычно виднелся метров за десять и имел свойство, едва показавшись, портить всем настроение.

Другое дело Раиса Иванна, совмещавшая в большой себе миллиард должностей – и завхоз, и главный повар. А если

надо, могла и утреннюю зарядку для детей провести. Прямо так, не снимая туфель на десятисантиметровой платформе, из которых торчал алый педикюр. Раиса Иванна относилась к тому типу женщин, которые ежедневно совершают невидимый, но важный подвиг, а их несправедливо зовут украшением коллектива и представительницами прекрасной половины человечества. На 8 Марта им вручают сиреневый ежедневник, «Рафаэлло» или гель для душа с запахом сирени. И желают, «чтоб все мужики были у ваших ног». И они, наверное, у них были, потому что никогда в жизни я еще не видела такого способа приготовления пирожков. Раиса Иванна пела на тесто, шептала в него секретки, чтобы поднималось, а остужала приготовленное на редкость изысканным способом – набрав в рот воды и щедро на выпечку плюнув. После, устав от жаркого дыхания печи, Раиса Иванна открывала форточку, и навстречу ей кидался свежий, без ноток сдобы воздух. Она подставляла лицо прохладе и балдела (именно этим глаголом) так, как умеют немногие.

Мой любимчик – фельдшер Серго, фанат рисования по коже зеленкой. Из-за Серго к середине смены дети помладше ходили усыпанные точечками, ромашками, солнышками и человечками цвета сочной травы. Для души у Серго была своя «зеленка» («Белуга», вы посмотрите, какой эстет). Он ей довольно часто подлечивался. Сурово-вежливый со взрослыми, с детьми он общался, утешительно бубня сахарно-тягучим голосом Николая Дроздова, способным угово-

рить кого угодно на что угодно. Я как-то раз к нему зашла по делу. Начали за здоровье – попросила таблетку от головы, а он мне говорит: «Выпейте лучше, Виктория, водки». Ну я и выпила. А потом еще и еще. К концу, так сказать, осмотра я стала Викусиком и получила неограниченный доступ к противоожоговому крему.

Ну и самый нежный, бесполезный и чудесный человечек – библиотекарша Зоечка. Я понятия не имела, что она делает вне этих трех смен, но, судя по стае домашних котиков на экране телефона и вечно не довязанной салфетке, было ясно, что спрашивать лучше не стоит. В лагере Зоечка работала меньше всех – за ненадобностью. А когда кто-нибудь входил в библиотеку, она заметно волновалась, будто перед свиданием. Такое случалось нечасто, а потому Зоечка без конца сочиняла себе работу. Протирала еженощно сереющие от пыли подоконники и переписывала библиотечный журнал бисерным почерком. А однажды, отчаявшись оберегать «Темные аллеи» Бунина от натуралистичных рисунков по мотивам, обернула томик в пакетик и привязала его на веревочку. В этом была вся Зоечка.

Да, я полюбила «Чайку», но не за море, а за то, что, попав сюда, я оказалась в другом измерении. Здесь не работали привычная система мер, привычный выпендрей, привычное общение. Ценности упростились до минимума: сон, еда, все дети выжили после купания. Счастье. Счастье.

АНТОН

Антон я засталкерил сразу, как только его добавили в лагерный чатик, представив новым сотрудником. Концептуально чат этот мало отличался от обычного семейного, в котором, полагаю, состоит каждый из нас. Мерцающие картинки из «Одноклассников», открытки с пожеланием «Великолепного четверга» и православные Кубышкины тик-токи периодически разбавлял Виктор Михалыч сообщениями типа «Поздравляем нашу милую вожатую Олесю из второго отряда с днем рождения. Друзья, ходящие в туалеты столовой, перестаньте бросать бумагу в унитаз!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!». В целом зумеры почти не обращали внимания на активность бумеров, однако присоединение к комьюнити сотрудника мужского пола вернуло беседе хоть какой-то интерес.

Девчонки активно обсуждали новенького вслух, я же делала то, что делала всегда, – решала вопросик втихую. Эпикриз, составленный мною на основе беглого изучения его соцсетей, выглядел так: понаехавший петербуржец, кулинарный техникум, 57 баллов за ЕГЭ по русскому, стажировка в парижском общепите, удостоенном двух звезд «Мишлен». Открытие ресторана в Ростове, еще пары – в Тбилиси, какая-то гастровозня на «Севкабеле». Водолей, родившийся в год Дракона. Любил вейксерф, слушал группу «Интурист», ходил в походы, безуспешно продавал не подошедший по ро-

сту спальник за 11 тысяч рублей, пережил лазерную коррекцию зрения и дважды грипповал за последний год. Зиму проводил на Бали, а лето – на регате в Греции, как и положено обычному успешному человеку среднего класса. Мой «диагноз по аватарке» звучал примерно как: разочаровавшийся жизнью чувак в разгаре кризиса тридцати, искушенный путешествиями, красивыми женщинами и прочими малодуховными удовольствиями. Иначе я никак не могла объяснить такой самоотверженный профессиональный дауншифтинг. С вершин высокой кухни на самое ее дно, то есть за плиту детского лагеря «Чайка», под мягкое уютное крыло бессменной поварахи Раисы Ивановны – женщины простой и сдобной, как и ее творения.

Короче говоря, к нашему с ним первому знакомству-перекуру я уже была достаточно подкована, чтобы не особо вникать в байки из его биографии. Думала только: «Да-да-да, я все это и так уже знаю, давай лучше меня спроси что-нибудь». Он спрашивал. Но как-то из вежливости. И затягивался, прищуриваясь, видимо, по старой привычке.

Холодок манил, но настоящий масштаб бедствия я поняла только вечером, когда увидела Антона на очередной вожатской пьянке. По устоявшейся традиции ночью после отбоя все те, кому посчастливилось перешагнуть 18-летний рубеж, шли в самое приличное в поселке кафе «Акварель» и страшно там напивались. Этого требовал стресс, неизбежный после десятка разбитых коленей, конфликтов больших и ма-

леньких самолюбий и прочих «Виолетт Виктна, скажите Пете, он задирается». Вечерами мы забирали весь оставшийся «Чегем» и три литра «Столичной». В дополнение шел пакет «Фруктового сада», чтобы не терять человеческого обличья. Местное, явно паленое («паль», как говорили наши дети), шампанское «Золотая балка» мы игнорировали по совету старожилов за несправедливое соотношение цены и утренних спецэффектов в виде похмельной серотониновой ямы.

Антон – он же Тоха, он же Антоха, он же Антонский, он же Тони, он же Антонио, он же Энтони – влюбил в себя всех на первой же в заезде встрече. Он ловко открывал вино большим пальцем, легко закидывал пьяных девок на плечо и разносил их по кроватям, подоткнув одеяла. Рассказывал анекдоты, чуть более тонкие, чем у физрука Виктора Михалыча. Серьезно разговаривал с колонкой «Алисой», нежно шептал помидору: «Иди сюда, малыш», а злому слепню орал: «Вали на хуй, сука! Испугался? Правильно, пошел отсюда». На Антона была возложена большая надежда, что после увольнения предыдущего повара, обладавшего невероятной способностью замешивать хорошие продукты, а на выходе получать безвкусный клейстер, еда в лагере станет хотя бы немного съедобной. И он пообещал, уверенно пообещал, так что сомневаться никому и в голову не пришло. В голову никому не пришло вместе с тем поинтересоваться, а зачем он вообще сюда приехал после всех «Мишленов», медных труб гастро-критиков и тысячи приготовленных яиц пашот. Сам он не

говорил. Отшучивался, компенсировал обаянием. И в обаянии этом, я чувала, нет-нет да сквозили металлические авторитарные нотки, которые я списала на издержки профессии.

Вообще, стоило ему только открыть рот, все затихали и смотрели восторженно. А казалось бы, три нехитрых аккорда, забитые руки, ленивый прищур и непропорциональное лицо с внимательными изучающими глазами. Я долго ходила перед ним туда-сюда, но примерно на середине вечеринки поняла, что в этом бою придется капитулировать, и потому оставила попытки обратить на себя внимание лихой веселой пьянцой. Принялась в одиночестве пить «отвертку», замешанную Люськой. Люсина интерпретация соотношения 1:4 была весьма фривольной – неудивительно, что она провалила экзамен по математике и пошла на журфак.

Из колонки играла Лариса Долина. «Важней всего погода в доме, все остальное суета». Я давилась содержимым обмякшего стакана в любимом углу «Акварели», откуда виднелась пригласительно горевшая синяя табличка. Поселок городского типа К., аллея Роз, 97. Нет, это не адрес, это песня, в которую зашито все самое лучшее, что может случиться с человеком: счастье найденного под матрасом письма, умывающий лицо теплый ветер, соль морского бриза и предчувствие огромного приключения, в которое нельзя, никак нельзя поверить.

Я была искренне удивлена, когда Антон вытащил меня из болота пьяных фантазий и предложил прикончить «совер-

шенно случайно» недопитую бутылку водки. Давай выпьем, а потом посмотрим. Смотреть было, конечно, не на что, но так надо было сказать – для порядка. Я ответила: «Может, лучше хотя бы вина?» – таким образом продемонстрировав изысканность своих алкогольных аддикций. Антон кивнул и, направляясь к бару, уточнил, люблю ли я брют. Пришлось уверить его, что брют я просто обожаю.

Неубедительные вялые возражения (спать осталось совсем мало, завтра будет похмелье), но все-таки обещала прийти ровно в два. И, еле дотерпев до пяти минут третьего, постучала в его номер, максимально лениво опершись на испещренный датами чьего-то детства дверной косяк. 1984, 1985, 1986 и так далее. Интересно, где сейчас этот родившийся на море человек?

Мы сидели на стульях друг напротив друга, потому что альтернатив не было. Из другой мебели в комнате стояла только кровать, но с первых минут подтверждать репутацию распутной девки как-то не хотелось. Брют я не пила, только смачивала рот для вида и облизывала губы, липкие от дешевого пойла. Мы разговаривали о ерунде, а думали, понятное дело, совсем о другом, чему по какой-то причине казалось важным сопротивляться. Когда темы для беседы (слава богу) закончились, Антон взял в руки мою стопу и стал ее гладить. Это было странно, но приятно. Удивительное дело, но в ту ночь я ни на секунду не вспомнила про Вадика, с которым вообще-то была уже три месяца как обручена.

Целовался он классно, только зачем-то назвал мои брекеты «вставной челюстью». В процессе нелепо и громко опрокинулась на пол колченогая табуретка с натюрмортом взрослой жизни: надкусанные яблоки, проволочная коряга от пробки шампанского, граненые стаканы из столовки, Parliament Carat (он всегда курил parliament carat). В комнате резко запахло разлитой водкой, но было уже все равно.

Антон был первым в моей жизни мужчиной, чей пафос томных объятий легко рифмовался с тупыми шуточками. Например, когда он целовал мою грудь, царапая зубами соски, и интересовался, не больно ли, я отвечала, что говорить с набитым ртом невежливо. А он, памятуя о моих скромных журналистских амбициях, говорил во время секса что-то про необходимость глубокого погружения в текст и остроту авторского языка. С тех пор мы встречались ночами, где-то в 00:30, и шли к нему. Повара и медперсонал в «Чайке» считались полубогами и потому селились в отдельный корпус с одиночными комнатами. Стартовали у дуба в начале главной дороги лагеря. Это придумала я, вроде как аллюзии на Дубровского. Потом мы шли под шелест гравия, не в такт, шатаясь от усталости и выпитого, но все-таки шли и на всякий случай не держались за руки. На этом поэзия вечера заканчивалась. Мы обходили корпус с противоположной от вахтера стороны, Антон без видимых усилий подсаживал меня на плечи и бросал в окно своего номера, говоря каждый раз одно и то же: «Хорошая жопа у вас, Виктория. Берегите-с!»

Я возмущалась для образа, но, кажется, никогда не была такой счастливой.

С первого дня я решила, что никто не узнает про нашу связь, даже Люська. Сначала из страха пресловутого сглаза, потом по инерции. Обычно я вылетала из номера Антона под занимавшийся рассвет и предутренний ор птиц, поглядывая в будку охранника. Там никогда ничего не менялось – крепкий сон, вентилятор, трогательно открытый рот. Я прокрадывалась в комнату, стараясь не разбудить девчонок. А наутро в душевой ставила мороженое на то, что сегодня за завтраком будет уж точно не осточертевшая манка, а блины с вареньем. Я проигрывала изредка, чтобы не вызывать подозрений.

И мне это удавалось: девчонки поражались моей интуиции, покупали ванильный пломбир, звали ведьмой и доверяли мне действо сакральной значимости – гадание на четырех валетах.

Ехали цыгане

Это случилось на пятый, кажется, день. Для новеньких, может, и пятый. А для нас уже почти пятидесятый. Что ощущалось как семьсот тысяч триста пятьдесят восьмой. В общем, к тому моменту мы порядком заколебались. Не сколько от детей, сколько от того, что за последние два месяца забыли, как звучит тишина. В лагере все время что-то *звело, тархтело, шуришало, грохало*. Мат рабочих, перекрикивающих агонизирующий перфоратор, рыдание сигнализаций, неприятно взрослый хохот девиц, бесконечные дергания. И вопросы, вопросы, миллионы вопросов. От постоянного шума хотелось сбежать, спрятаться под подушкой, залезть в шкаф, исчезнуть, раствориться в воздухе. Но казалось, что, даже пойдя утопись, все равно услышишь: «Я упал, потерял, разбил, спасите, помогите, дайте, скажите, смотрите, послушайте».

И тогда Люся придумала гениальное:

– Слушай, а давай проведем випассану?

– Ты сдурела, что ли? Нас же православные родители посадят за оскорбление чувств верующих. Или там, не знаю, экстремизм.

– Да при чем тут верующие? Мы просто предложим им всем помолчать денек. С утра и до обеда.

– А почему випассана-то? Почему не просто молчанка?

Типа ехали цыгане, кошку потеряли, кошка сдохла, все такое.

– Ой, Ви, ну ты чего как из деревни? Потому же, почему уборщица называется специалистом по клинингу, а секс без обязательств – friends with benefits.

– Ну допустим. Детям-то это зачем?

– Ты мемаешь, да? Дети любят хавать на дармовщину. Сделаем призы. Типа... отряд, который справился с молчанием лучше всех, получает... м-м-м... ящик мороженого.

– Ага. Ты бы сама заткнулась на день за мороженое?

– Хуёженое, – передразнила Люся в своей любимой манере.

Обиделась, и это понятно. Вопрос бил не в бровь, а в глаз. Заткнуться для Люси было чем-то недостижимым. Слишком много событий происходило вокруг и внутри этой женщины, и событиями этими Люся никак не могла не делиться. Поэтому ее выгнали с ретрита в Подмоскowie, куда она протаскала телефон и, заскучав в первый же вечер, решила обзвонить всех подружек. Со второго – под Екатом – за то, что решила писать дневник. А третий, в Грузии, так и не начался: оказавшись на святой земле, наполнению духовному Люся предпочла наполнение гастрономическое. (Если бы дамы из соцопеки, у которых мы ходили кланчить повышенную матпомощь, знали, куда уходят семестровые выплаты, если бы они только знали...)

Видимо, сделать випассану в лагере для нее было шансом,

как это модно говорить, закрыть гештальт. Модно вообще много чего говорить: *уметь в медитацию, быть не в ресурсе, услышать себя, чтобы откликалось*, гиперкомпенсировать. Люська этими словечками оперировала мастерски – тому ее научили сотни марафонов, где дышат маткой, выпускают негатив и впускают в себя внутреннюю богиню (кажется, в таком порядке). В мире цифрового буддизма, астрологии, натальных карт и прочей эзотерики она была своей, а потому довольно легко убедила директрису Кубышку на эксперимент. Воспиталка Гильза, правда, выразила сомнения: отрекомендовавшись человеком предметным, с тремя высшими образованиями и бесчисленными курсами повышения квалификации («у меня 62 диплома!»), она долго изводила нас вопросами о преследуемых целях мероприятия. В итоге осторожно согласилась. Сказала: давайте попробуем, только без глупостей. Сама-то небось подумала: «Господи помилуй, неужели полдня хоть поживем как люди? Молодцы, девчонки, молодцы».

Детям все было объявлено на дискотеке. Так и сказали: завтра практикуем випассану – особую практику молчания – с утра и до обеда. Охотников фрондировать Люсину идею не нашлось – видимо, сделала свое награда в виде просмотра «Евротура» и лишнего часа купания. Пока Люська все это восторженно рассказывала в микрофон, я смотрела на нее и все пыталась заново ее полюбить. Это было непросто. Зато было так просто в первый раз.

Люся

Ладно, Люську в свое время я тоже сталкерила. Куда более обстоятельно, чем Антона: где-то полгода или около того. Так мне понравилось ее нежное ФИО среди записавшихся на день открытых дверей. Рядом со мной примостилось вынужденно, ввиду алфавитного порядка. Людмила Львовна Лаврецкая. Эл-эл-эл. Отмотала стену «ВКонтакте» до самого доньшка. Все прознала про музыку для себя и музыку для окружающих. И нелепый гэтсбинг: «Ребята, есть билет в кино сегодня, кто со мной?», а перед этим – хромые стишочки о мальчике и черно-белый портрет с декольте, вырез до прорези. Когда крыша моя совсем уехала на почве невроза от поступления и экстернатского одиночества, я Люсины фотографии стала сохранять в отдельную папочку. Так через три месяца воздыханий в метавселенной мои чувства к Людмиле стали весить под три гигабайта. А еще через три я снова увидела ее фамилию аккуратно над своей, уже в списках поступивших. У нас даже было одинаковое количество баллов – 287. Только Люся уступила мне в литературе, а ей в английском.

По невероятному совпадению, какие бывают разве что в дурацких киносценариях, нас заселили в одно общежитие. Только вот комнаты достались разные. Это не особо влияло: Люся без конца бегала в нашу 403-ю, выглядевшую на фоне

ее серпентария в 515-й прямо-таки эдемом. Сначала робко стучалась и аккуратно спрашивала, можно ли войти. Потом – почти и не выходила. Так мы приклеились друг к другу. Насмерть, страшным кармическим клеем. Пили кофе из автомата, чью мерзость не могли смягчить ни сахар, ни молоко, тратили стипендию на «Жан-Жак» и дешевенькие черные кофточки из H&M. Давали друг другу списывать, щедро и без зазнайства: я – аудирование, которое у Люськи неважно шло, она мне – грамматику (убереги господи от использования партисип пассе, сколько лет прошло, а все никак не запомню). Мы хихикали над мажорками в лабутенах, говорили на тарабарщине, называли все уменьшительно-ласкательными («выпить кофечко», «сходить в гостички», «поставь скобочку»). Мы были как два куска пазла, как розетка и штепсель, как ключ и скважина, как болячка и пластырь, как «Абрау-Дюрсо» и болезная голова.

Однажды морозным вечером в длиннющей очереди в Большой театр, куда бегали смотреть балет – то есть не балет, конечно, а сверкающее тело огромной люстры и кусочек спектакля, доступный нищим с проходками за 150 рублей, – мы поклялись друг другу, что у нас все будет по-другому. То есть не так, как у наших родителей. Ни блеклого брака, ни чувств по принуждению, ни кабалы, ни пульта от телика в замызганном пакете. Наивные, злые, высокомерные козявки, мы вправду верили, что сможем сломать устоявшийся за века ход вещей. Но ход не ломался.

Проблема нашей личной жизни заключалась в некоторых неразрешимых противоречиях. Так, например, у Люськи было чайлдфри головного мозга, необузданное желание сидеть на десяти стульях (читай: флиртовать со всеми подряд) и при этом хорошо выйти замуж, чтобы главной заботой жизни стали фамильные вышивки на сатиновом постельном белье и поступление дочери в балетную академию Агриппины Яковлевны Вагановой. Мне же хотелось совсем другого – грязного хиппи без аккаунта в соцсети, который бы вез меня на мопеде в закат, а я бы обнимала его одной рукой, второй держала бы бокал портвейна и визжала от распирающей эйфории. По иронии судьбы в отношениях я всегда была с людьми иного толка – душными майонезниками, один другого майонезнее. Эти попытки цепляться за лоснящихся благополучием людей я объясняю проделками генетической памяти и страхом уходящей далеко в глубь женской линии традиции связать жизнь с нищим алкоголиком, как это сделали все, кроме мамы, – сестра, тетя, бабушка, пра-, прапра-и так далее. Мажор-пикапер Вася, оценивающий женщин по десятибалльной системе. Стоматолог Андрей Викторович, чуть не вставивший мне белоснежные унитазные зубы, как у себя самого. Единственный с налетом творческой богемы – креатор Николай. Список короткий, но такой скучный, что и продолжать не хочется.

Люська мне все время говорила: «Ну и чего ты ноешь? Просто бери от жизни все». Я ее не осуждала. Знаете, есть

два типа людей: одни едят сначала невкусное, а потом вкусное, а другие наоборот. Люся была из последних. Женщина-праздник, рожденная, чтобы носить сверкающие платья, получать норму белков-жиров-углеводов из игристого алкоголя и, запрокинув голову, на всю улицу хохотать. Почему-то три года подряд она не могла отшить Гошана – молчаливого, долговязого, будто прозрачного и чуточку женоподобного. Он запал на Люську еще на посвяте, к этому многие отнеслись с пониманием – так остроумно и изящно она выполнила задание начертать на асфальте фамилию декана собственной мочой. «Ой, ребят, нассать в бутылку – это семи пядей быть не надо», – Люська смеялась, а Гошан смотрел завороженно. С таким же лицом он занимал ей очередь в буфете, таскал продукты в общежитие и строгал рефераты по философии, тем самым сделав ее лучшей по предмету на курсе. Гошан ей, конечно, совсем не подходил. Это особенно чувствовалось, когда он исподлобья посматривал на нее после каждой своей шуточки и кивал придурком, предвосхищая любой ее вопрос. Но Люся позволяла ему находиться в своей компании. К тому же ей было больше не с кем ругаться в конце сложного дня. Вот она и ругала Гошана. «Ну что ты вообще можешь мне предложить? Ты нищий! Я нищая! Мы нищие крысы! И будем всю жизнь влачить жалкое существование!» – орала Люська на весь коридор, показывая драный шнур от компьютера, которому Гошан не мог ничего возразить. Я говорила Люсе: «Ты б пожалела пацана, он же в тебя

влюбился». Она только отмахивалась, говорила: «Да у него просто ПЗР (расшифровку общажной аббревиатуры – пизда затмила разум – я выучила лишь к четвертому курсу).

Когда Люся окончательно превратилась в женщину типа «я так больше не могу», Гошан пошел работать грузчиком в «Перекресток» у нашей общаги. Спустя два месяца он вылетел с первых строчек рейтинга до позорных середняков. Заметно скромнее стали и Люсины успехи в области философии. Зато Гошан подкачался, стал, что называется, парнем при бабле и купил Люсе новые туфли. Люся, не чуравшаяся материализации чувств, этот дауншифтинг поощряла – за неимением альтернатив. Как и многим другим женщинам, терять поклонников ей не хотелось.

Тогда она согласилась: «Ладно, иногда я буду твоей девушкой». В Люсином понимании главным было слово «иногда», однако Гошан слышал все что угодно, кроме него. Так Люся стала ночевать в комнате Гошана – иногда. Потом она вбегала ко мне в три утра и начинала обстоятельно пересказывать, как что было и кто что при этом говорил. А ты че, а он че, а я такая, а он такой. Время от времени у нее случались ипохондрические истерики: Люся, то и дело подозревая разнообразные дремавшие в теле заболевания и нежелательную беременность, не могла остановить воображение, рисовавшее ей картины сифилиса, ВИЧа, гонореи, всех ЗППП мира. Из-за этого мы часто ходили к гинекологу и фантазировали, как назовем их с Гошаном детей. Обычно спустя неделю по-

сле этого у Люськи начинались месячные и никаких инфекций не обнаруживалось. Их вялотекущее пунктирное нечто, казалось, вот-вот обретет четкий контур и проделает путь с остановками во всем известных заведениях: ЗАГС – IKEA – «Сбербанк», программа льготной ипотеки молодым семьям – роддом – квартира любовницы и так далее. Так все, наверное, и было бы, не посягни однажды Люська на святое. То есть на мое.

Ну, как мое? Я его застолбила сразу, заранее, после некоторой сторисной прелюдии в виде огонечков и пары остроумных панчей в чате. К тому моменту мы с ним несколько раз погуляли за ручку, и я, выдержав для порядка пару свиданий, позволила себя поцеловать. После чего мы завалялись к нему домой в шесть утра с хорошо угадывающимся силуэтом бутылки коньяка в кармане моего плаща и встретили на пороге его маму, уходившую в церковь. Потом я заперлась в ванной, где меня долго и страшно выворачивало, а его мама робко стучала и говорила что-то про возможное опоздание на исповедь.

Угорали мы с ним довольно страшно и весело, а Люська из-за этого подозрительно нехорошо вздыхала. Что-то скрывалось за ее участливыми расспросами о моем наклевываемом романе, думала я, и думала, как оказалось, не зря. На каком-то общажном сборе она к нему аккуратненько подкралась, примостилась рядышком будто случайно. Знаете этот момент на вечеринке, когда ты разговариваешь с кем-то аб-

солютно тебе неинтересным и краем уха слышишь, что интересное на самом деле не здесь, а совсем в другом углу комнаты, но уйти не можешь – не обрывать же визави на середине слова. Так и стоишь как дура, говоря одно, слушая другое и прикидывая, как бы поскорее слиться. Вот так со мной в ту ночь и было. Только слиться, дабы предотвратить катастрофу, я так и не успела. Эти двое ушли в неизвестном (еще как известном) мне направлении.

Надо сказать, в нашей тогдашней компании между мальчиками и девочками было не принято подтверждать статус и прояснять качество связей, будто мы на Вудстоке. Но не были мы ни на каком Вудстоке, мы были в Москве, а в Москве так не решаются вопросы, это, в конце концов, не по-пацански, думала я. Я еще много чего думала. Что Люся – сучара, дура, идиотка, эгоистка, попросту – мразь. Что я имею право топтать ногами и требовать оставить *мое* в покое. Потом была ссора, в которой мне много за что предъявили: купила такое же платье, строила глазки Гошану, зажала какие-то шпоры.

Мы не общались целую вечность – кажется, семестра полтора или около. За это время у Люси было три пересдачи по аудированию, и однажды она дошла до комиссии. Я очень переживала за нее и хотела помочь. А еще я очень хотела, чтобы ее отчислили. Чтобы на финальной пересдаче ее раздавили, уничтожили. Чтобы завкафедрой Людов (прозванный, конечно же, Лютым) попросил ее, как он всегда поступал с неудачниками, проспрягать глагол *être*, а она от волне-

ния не смогла бы и этого. Чтобы ей сказали, что она разочарование курса и педагогическое фиаско. Чтобы она унижалась перед комиссией и вымаливала еще один шанс. Чтобы после она плакала, размазывая по своей глупой роже зеленые сопли. Чтобы ей пришлось съехать с общаги. Чтобы она собирала свои монатки, а все бы смотрели сочувственно и предлагали бы помощь, а сами думали бы: «Слава богу, не я». Чтобы она умотала, к чертовой матери, в Рыбинск. То есть не к чертовой, к своей – на сытные харчи, и стала наконец толстой, безразмерной. Чтобы вышла замуж за мента и родила от него, как и полагается в таких ситуациях, ровно через полгода. Кажется, такая сильная ненависть бывает лишь к самым любимым.

Люську не отчислили. Это было неудивительно: в мирное время мы хорошо учились, ноздря в ноздю, но она все-таки чуточку лучше. Выезжала на харизме. К тому же ей не было равных в вопросе изобретения отмазок и эффективно работающего вранья: Люськины невестки и троюродные племянники то и дело помирали перед зачетами, а потому ну никак не давали ей подготовиться на 100 баллов. Но вы уж поставьте, пожалуйста. Ладно, Лаврецкая, в последний раз. Имена родственников то и дело повторялись, что свидетельствовало о суперспособности Люсиных членов семьи к воскрешению – способности, не вызывавшей тем не менее не единого сомнения. Ей просто нельзя было не верить на слово, просто нельзя.

Я тоже не отставала – училась пуще прежнего. Увы, не для себя, а ради некоего вымышленного соревнования. Моей главной мотивацией того времени была мотивация «назло», и она меня не подводила. Никогда прежде мой рейтинг не достигал отметки 98, никогда в зачетке не было так тесно буквам А. Но я знала, что этим искусственным пятеркам грош цена.

Я часто наблюдала за Люсей через стекло лингафонного кабинета, услужливо непрозрачного с внешней стороны. Огромные наушники сдавливали ее маленькую голову и категорически ей не шли. Я видела, как она страдает: нажимает по сорок раз на кнопку повтора, вслушивается. Как карандаш в ее руке не поспевает за болтовней диктора. Как она от злости швыряет в стену этот самый карандаш. Мне очень хотелось зайти внутрь, но я не заходила. Кроме того, были еще встречи в «Переке» у нас на районе. Мне было вдвойне неловко, когда мы сталкивались тележками возле товаров по акции: во-первых, от нашего случайного randevu, во-вторых, потому что покупать по акции я в принципе стыдилась.

Иногда я рассматривала ее аватарку, на которой стояла редкой отвратительности фотография. Люська на ней была ненастоящая, чужая, не моя. Скобки рыжих бровей – густых и буйных в жизни – вскинута презрительно. Прямая линия волос – обычно не знавших расчески, неукротимых, как и она сама, – падает на дофантазированные фотошопом ключицы. Лоб вылизан. Ни морщинки мимики, ни со-

звездий прыщиков от уничтоженной по грусти коробки конфет. Скульптурный изгиб шеи, кожа – холодный фарфор, на бисер веснушек ни намек, только румянец искусственный. Самая жуть – это, конечно, глаза. Взгляд злой, надменный, маринующий в ожидании. Все как у ее любимых светских див. Спасибо, носик хоть оставила, вздернутый, капризный. В нем вся она, Люся, не картонная, не сделанная картинка. Такой скандал из-за нее мне как-то закатила, недосчитавшись лайка. Истеричный голосок вспыхивал в трубке, а я слушала молча и представляла, как вечный спутник Люськиного гнева – красноватое рваное облако – опускается с лица на грудь.

Вообще я думала, такое бывает только в сериалах на канале «Россия-1». В том смысле, что подобных поступков просто не существовало в моей системе координат, где все было покрашено в черное и белое и поделено на простые категории – «хорошо» и «плохо», других не было. Поэтому я совсем поехала кукухой и перестала спать. Приложение для медитации и счет баранов не помогали: на 7386-м обычно звенел будильник.

С уходом Люси из моей жизни исчез не только сон, а также спонтанность, понимание с полуслова, ощущение partner in crime. Нечего стало делать вечерами пятниц и суббот, не с кем стало делить один на двоих капучино, незачем спорить, на каком молоке он будет (я топила за ЗОЖ и всегда брала соевое, она – простое, понятное, жирностью 3,2 %). Не с кем

стало играть в точки на военной кафедре, куда наши девочки шли по понятным причинам факультетского гендерного перевеса. Военку у нас было принято называть войной. Так и говорили: «А война завтра будет? Ты на войну идешь?»

Заткнуть образовавшуюся дыру я пыталась разными способами. Сначала, как велят блогеры, собой. Пошла на йогу, к психологу и записалась на третий, совершенно ненужный мне, греческий язык. С йогой не сложилось, когда в конце первого занятия тренер предложила сесть к соседу на коврик и в течение минуты обсуждать все новое, что мы узнали за сегодняшний день. Психолог с изысканной фамилией Альпиди продержался подольше – аж три недели смаковал мои детские травмы. Но в разговоре про невесть как всплывшего котика Плюма, погибшего ужасно глупой и обидной смертью (оставленный зачем-то после операции на балконе и не отошедший от наркоза бедняга упал с пятого этажа), терапевт записал что-то в свой блокнотик и сказал: «Понятно-понятно, Плюм сделал плюх». С греческим пришлось расстаться после знакомства с расписанием: пары по третьему языку нам ставили в немыслимые для февраля 7:30 утра. Так мои познания и ограничились курортными словами «калимэра» и «малака» (последнее, кажется, не в полной мере печатно).

Безуспешно попытав счастье в дружбе с собой, я решила найти альтернативу Люське, что, конечно, было затеей, в зародыше обреченной на провал. Пару раз я сходила выпить кофе с Камиллой из нашей французской группы – де-

вочкой с мощным семейным бэкграундом, которую отвозил «в школу» охранник. Провожал ее до входа, встречал, сажал в машину и ни при каких обстоятельствах ее не касался. Даже когда однажды зимой Камилла недостаточно крепко всадила шпильки своих лабутенов в корку крылечной наледи и, глупо взмахнув руками, приземлилась на едва прикрытый совсем не ханжеской мини-юбкой зад, он не подал ей руки. И подумать страшно, что бы с ним сделали, тронь он глубоко династическую барышню хоть пальцем. Камилла была невозможно, непростительно красивой и ежедневно появлялась в институте такой, словно после пробуждения ходила на массаж, укладку и макияж (не исключая, что так оно и было). Как-то раз она призналась, что пошла в магистратуру, потому что институт – единственное место, куда отец отпускал ее без сопровождения братьев и нелюбимого жениха. Потом она рассказала, что иногда ей удастся уговорить охранника соврать отцу о пробках, чтобы хотя бы на тридцать минут встретиться с подружками в «Кофемании». Что она боится маячивших впереди госов не из-за самих госов, а из-за того, что с окончанием университета исчезнет возможность хотя бы изредка покидать отчий дом. Что следующая остановка после дома отчего – дом мужний, и так далее, и так далее. «А может, аспирантура или соискательство?» – пошутила я, но шутка не встретила понимания. Камилла просто не знала, что это, и потому лишь подозрительно прищурилась. Она так же шурилась на словах «сти-

пендия», «общежитие», «социальная карта», а однажды попросила меня сфотографировать метро. Это было даже интересно какое-то время. Особенно под Новый год, когда Камилла подарила мне сертификат на несметные десять тысяч рублей в какой-то буржуазный магазин ароматических свечей. Я почти плакала, осознавая, что трачу четыре своих репетиторских гонорара на всего-навсего ароматизированный воск в красивой эмалированной баночке. Баночка эта стояла в нашей комнате на правах музейной редкости, зажигалась только по торжественным поводам из соображений экономии. Кажется, ей даже удалось пережить нашу с Камиллой странную дружбу, довольно быстро выдохшуюся за отсутствием общих тем.

Еще был шанс у рано женившегося и оттого рано повзрослевшего одноклассника Бори, который теперь подсаживался ко мне на лекциях и придушенно хихикал своим же армейским шуткам, половину слов из которых я не могла разобрать, отчего все время чувствовала себя виноватой. Боря забавлял всех сам по себе – наличием в двадцать один год *тещи* и совсем не зумерским увлечением рыбалкой. Случайно сделав матерью нашу одноклассницу Лялю, которой не оставалось ничего, кроме как бросить штудии и уйти в академ, Боря посещал пары с особым рвением, будто за них обоих, и являл собой из-за этого тот надоедливый тип людей, после общения с которыми хотелось облегченно вздохнуть.

В порыве отчаяния я вспомнила даже одноклассницу Ле-

ру, с которой мы водились когда-то в школе. Сошлись мы с Лерой на почве того, что почему-то единственные из класса палились на подлоге домашек. Сначала изошница Марья Сергеевна не хотела принимать наши работы, в которых нет-нет да проскальзывали четкие взрослые линии рук наших мам. А прежде ходившие на одну работу папы в еще безынтернетные и бескомпьютерные времена скачивали нам, видимо помогая друг другу, одни и те же сочинения, после которых неизменно звучал вопрос учительницы: «А оценку мне вам тоже на двоих ставить?»

Как-то, сидя в печальном пустом автобусе воскресным вечером, я ответила на ее сторик и позвала на кофе. Зря. При ближайшем рассмотрении настоящая версия Леры оказалась куда бледнее виртуальной. Математически одаренная, непосредственная хохотушка в школе, во взрослой модификации она будто напрочь утратила свой внутренний запал. Лера не смотрела фильмов и не читала книг, не имела мнений, не любила гулять, сплетничать и спорить. Скукотища.

Не найдя достойную эрзац-версию подруги, я и опустилась на дно, скачав «тиндер». Про «тиндер» даже шутить не буду, все и так уже про него понятно. Скажу главное: мое трехнедельное избирательное свайпание увенчалось свиданием с Вадиком. «Стилист, москвич, 30+ стран, люблю духовное саморазвитие и культурное обогащение, творческий, квартира своя». Изучив этот список добродетелей, я подумала: «Офигеть, так можно писать на полном серьезе?» (Ока-

залось, что можно.) Рука уже даже дернулась отправить Люсе: она бы такое описалово наверняка заценила.

В общем, я согласилась на встречу. В противоположность предыдущим своим свиданиям, когда явки назначались в статусных культурных заведениях, я, памятуя о том, как на опере Гергиева мой желудок урчал громче оркестра, предложила Вадику самое искреннее, чего хотела в тот момент: «Давай просто где-то пожрем?» Вот так, без малейшего желания понравиться. Он охотно поддержал затею. Я подумала тогда: ну, может, хоть волосы бесплатно покрасит. Хочешь поменять жизнь, так сказать, поменяй прическу. Он и поменял. Хорошо, кстати, поменял, прямо на дому. Усадил в кресло, жестом фокусника раскинул опавшую с шелестящим выдохом парикмахерскую мантию и сказал тоном конференсье, гордо и явно не впервые: «Добро пожаловать в салон Вадима Борченкова». В тот вечер я вышла из его квартиры с новым цветом волос, первыми предвестниками кандидоза и ясным знанием: «Теперь у меня есть парень». Волнительных ощущений я по этому поводу не испытала. Ну разве что зуд в известной области.

Надо отдать ему должное, в освободившийся после потери Люськи паз моей и без того шаткой жизненной конструкции Вадик вошел как влитой. Я, может быть, даже научилась бы снова полностью функционировать и зажила бы нормальной жизнью, не случись как-то раз общажная тусовочка по случаю конца лета, возвращения из отчего дома и нача-

ла учебного года. Мы были довольно пьяны к тому моменту, как она подошла и сказала что-то в духе: «Ну, может, хватит уже?» Я сухо кивнула, мол, да, хватит. Мы обнялись и синхронно разрыдались. Наверное, если бы существовал чемпионат по самому ванильному перемирию, нам дали бы грамоту первой степени.

На следующий день наступила осень, с ней – трезвость. Они в совокупности выявили проблему. Да, я простила. Но расщелина недоверия осталась. Из нее посвистывало и поддувало холодом. Новая страница нашей дружбы все не писалась – она, как лежащая под копиркой, впитывала и впитывала отпечатки предыдущей. Мне казалось, что Люська снова, вся такая сверкающая, прямо в уличных туфлях зайдет в мою стерильно прибранную жизнь, натопчет, возьмет, что нужно, и испарится. Поэтому я и не возражала против «Чайки». Я почему-то очень надеялась, что эта поездка поможет склеить то хрупкое, что осталось между нами. Что весь анамнез затеряется в шелухе памяти и я перестану ее ненавидеть, завидовать легкости нрава и раздражаться на постоянную готовность кокетничать со всеми подряд. Что любой новый страх перестанет по инерции протаскивать меня по всем колдобинам нашей сложной истории.

Но у меня не очень получалось. Ситуация особенно усугублялась тем, что в какой-то момент мне померещилась химия, якобы возникшая между ней и Антоном. Не веря голосу здравого смысла, я слушала голос домыслов. А ему, голосу

домыслов, ой как не нравилось, когда Антон как бы впроброс говорил: «Веселая у тебя подруга», – или когда Люся пискляво, с интонированием тянула при встрече: «За-а-а-ай...» Я чувствовала уколы ревности всякий раз, когда он даже просто смотрел на нее, а наблюдение за их хихиканием в курилке рождало в области груди назойливую тревогу.

Короче, в день, когда Люся предложила випассану, я решила пресечь рвущую душу рефлексия. Прямо на собрании, где обсуждались правила завтрашнего молчания. Именно там я и придумала подсмотреть, не с Люсей ли Антон так увлеченно весь вечер переписывается. Я встала за ним на расстоянии полуметра. И ничего, конечно же, не увидела. А потом изобрела такой финт – навести на его телефон камеру и увеличить зум до $\times 5$. Стыдно, конечно, но что поделать. И вот стою я в беседке с телефоном, якобы фоткаю. Руки трясутся, предельное палево. Приближаю. И вижу: действительно переписывается. Только не с Люськой. А с кем-то, кто записан у него в телефоне словом ЖЕНА.

Увиденное здорово выбило меня из колеи. И это даже несмотря на тот факт, что мы, получается, были в одинаковом положении: оба несвободны. И потому в тот вечер ни в какую «Акварель» я не пошла.

То есть пошла, конечно, в надежде, что будет свидание. Но он в тот вечер был особенно хмур и вообще не обращал на меня внимания. Тогда, всласть порывав на море, я пошла спать. Светлячком в непроглядной тьме мерцала одна лишь

завтрашняя тишина.

Жена

Эту коварную поступь не спутаешь ни с чем другим. Тускнеющая палитра, ноты холода в еще теплых ветрах и затихающие ребячьи голоса во дворе, будто кто-то легонько крутит тумблер громкости. Но это все намеки, иносказания. Она уже идет навстречу, будто просто в гости, с добрыми намерениями. Будто «да я просто спросить, так, постою покурю». И ей поверят, впустят, лишь потом заметят крадущуюся тень. Но будет поздно.

Мы не успеем, никто не успеет, и она снова сделает с нами это, снова обманет как маленьких. То, чего начинаешь бояться в самом начале июня. То, чему пытаешься противостоять весь июль. То, из-за чего в тревожном ожидании проводишь август.

Осень убивает лето.

Убивает безжалостно, глуша воспоминания об объединенных комарами ногах, сне с открытым окошком и длинной секунде с задранной головой в ожидании летящего волана. Убивает первым опавшим сухим листом и первым надкусом балконного яблока, подгнившего внутри. Первыми осадками, первой лужей под неосторожной стопой. А там и первым морозом, обдавшем дыханием стёкла.

Тепло, может, и посопротивляется нехотя, для порядка – подарит надежду в виде бабьего лета. Но это обманка,

фикция, отложенная казнь. Потом все равно начнется другая жизнь. Зелень, что без спроса бугрила асфальт с самого начала мая, сгниет и будет затоптана. Крапива не потянет за свободную брючину, не ужалит в уязвимое, не заставит сказать нехорошее слово. В голосах людей зазвучит металл. Их жизнями снова начнут управлять органайзеры, списки, данные обещания и прочее высокопродуктивное бездушие. Лестничный пролет, который летом дается легко, в три секунды, через ступеньку, а то и просто стремительно по перилам, станет унижительным испытанием: тело обрастет новым жиром, капустными слоями одежды, а под шапкой будет потно зудеть. Табло трамвая будет врать, что нужный 26-й придет через три минуты, и эта тройка будет оставаться неподвижной долго, бесконечно долго, пока мимо один за другим будут ползти 57-й и № 1. Сапоги прохудятся, захлопают, заставят прятать под диван давшие слабинку колготки. Придется лезть на антресоль за зонтом, сушилками для обуви, шарфом, варежками – то есть одной, конечно же, варежкой. Они не дадутся в руки сразу, до них надо будет прыгать, прыгать, прыгать. Они посыпятся, как снег на голову. И снег на голову тоже посыпется. Время тоже потечет иначе. Это летом минуты летят без оглядки на мировые часы. Иногда они без предупреждения увеличивают ход до скорости $\times 100$, так что и не понимаешь вовсе: это сейчас было или не было? А иногда, спасибо им, останавливаются, замирают, наполняют мир застывшей негой. Но теперь они будут размеренными,

монотонными, тягучими, невыносимыми. Небо погаснет, из него будет лить и сыпать – всегда, каждый день, безостановочно. Но в субботу или в воскресенье это даже хорошо – идеальное алиби для затворничества и сна длиною в целый выходной.

Это лето не будет исключением, осень его тоже убьет, оно закончится, как и все остальное. Так я успокаивала себя, пытаюсь прийти в чувство после обнаруженных мною связей Антона. Меланхолии вторили и обстоятельства: накрывшая лагерь тишина впервые за долгие недели дала волю рефлексии.

Дети держали випассану на удивление хорошо: девчонки делали жесты руками и передавали друг другу свернутые в трубочки записки, над которыми без конца хихикали. Парни кидали мяч в кольцо – так же, как и всегда, только без ора и мата. Люся бдела старательно, как когда-то на випассанах бдели за ней. Уже в Москве спустя какое-то время она расскажет мне, что подговорила старших из нашего отряда блюсти молчание в обмен на обещание не конфисковывать их сигареты. Видимо, концепция честного ретрита через аскезу в Люсином мире не имела шанса прижиться.

Я попросила прикрыть меня и пошла на море, на любимый камешек – кажется, единственное место у воды, откуда не было видно огромную вывеску «Чайка», скрытую торчащей утюгом скалой. На пляже было пусто – видимо, нависшие над поселком тучи и метеосводка отпугнули тури-

стов. За исключением двух дамочек около сорока: их тронутая целлюлитом плоть отдыхала прямо на песке, без зонтиков. Мне бы такую безмятежность, подумала я, вытаскивая телефон.

Да, в вопросах сталкерства равных мне не было, нет и не будет. Чтобы не быть голословной, должна посвятить вас в такую историю. Однажды на концерте Muse (своем первом в жизни концерте) я влюбилась в парня, стоявшего рядом со мной. Высоченный, total black, на носу круглые очки, как у Сартра, рядом – компания из трех девиц, заметно от него млеющих. Представляете, ровно на треке Madness, клянусь вам, на строчке «I need to know, is this real love», чувак легко оторвал меня от пола и посадил себе на плечо. Так мы и проорали остаток песни. На финальном аккорде он с той же легкостью поставил меня обратно – как ставят на прилавок разочаровавшую при ближайшем рассмотрении вещь. Как будто ничего и не было секунду назад. А ничего ведь, в сущности, и не было. Для него – порыв, для меня – проблеск кинематографичной истории, о которой не стыдно рассказать друзьям. Не исключаю, что в историю эту я влюбилась даже сильнее, чем в самого пацана, но все-таки тем же вечером зашла в группу концерта «ВКонтакте» и нашла его среди без малого тринадцати тысяч человек. Please don't ask. (Кажется, я даже написала первой, после добавления в друзья. Задала какой-то вопрос, на который он ответил «ага». Ага.)

Открыв мороженое, я занялась своим любимым делом –

тщательным разглядыванием чужой жизни. Год рождения жены Антона оказался простым для вычислений. И весьма далеким от нынешней даты. 1980-й. Это, увы, не компенсировало того, как роскошно она выглядела: тонкая барышня с мундштуком и хрупкой нервной системой (так, во всяком случае, казалось). Ей совершенно не шла профессия кондитера, стереотипно ассоциировавшаяся у меня с кем-то румяномордым и бесхитростным. *Она* была иного теста: неземной, точеной, прозрачной. Какие тут бисквиты с маслом? Уму непостижимо.

Я изучала ее фотографии разных лет, времен года и локаций и даже умилялась приметам времени. Третий айфон, селфи-палка, Лана Дель Рэй в Будапеште, пенни-борд, акриловые ногти, мемы с омской птицей и «главное “да!” в моей жизни». Я перебирала фотографии одну за другой – не дай бог лайкнуть. Думала лишь одно: она умнее. Красивее. Изящнее. Интереснее.

Я знала, что изнаночный шов жизни зачастую выглядит куда уродливее нарядной вышивки напоказ. Знала, что делать выводы по соцсетям – это как смотреть в микроскоп с дефектом линзы. Знала, как работает спасительная анестезия лайков – простого и понятного мерил социального одобрения. Все я это прекрасно знала, но в предложенную картинку поверила безоговорочно.

Слежка в метавселенной закончилась, лишь когда моя задница заныла от сидения на камне. Я побрела к лагерю,

и уже у самого входа мы встретились. Пройдемся? Сама не знаю, зачем предложила: проявлять инициативу не хотелось из принципа, да и о чем говорить в связи с открывшимися обстоятельствами, было неясно. Антон ответил: «Давай, только недолго». А потом спросил: «А разве нам можно сегодня общаться?» – «Ну, если очень хочется», – разрешила я.

Мы шли в тишине, потом он, будто все еще сомневаясь в возможности разговаривать, жестом предложил сесть на скамейку. Я продолжала молчать и бесцельно рылась в своей сумке, будто искала там тему для беседы.

– Ты знаешь, Вет, такое дело. Все сказать хотел, но не решился...

С печальной ясностью в голове пронеслось: «Сейчас скажет: давай, типа ничего не было».

– Короче, это... Я ведь женатый.

– М-м-м... – Я поджала губы и покивала, якобы с легким осуждением, а на самом деле втайне радуясь, что это обстоятельство открылось еще вчера благодаря моему варварскому ноу-хау. Подготовилась, так сказать.

Повисла пауза, в которую как раз просилось упоминание моего грядущего замужества.

– Чего кольцо не носишь тогда? – (Я не смогла рассказать.)

Антон засмеялся:

– Блин, это долгая история.

– Да я не тороплюсь.

– Короче, я однажды с бомжом подрался. Травмировал руку...

– А дальше что?

Антон тяжело вздохнул:

– Ну как что... Палец отрезали. Вместе с обручалкой.

– Тьфу, дурак.

– Да ладно тебе.

– Понятно.

– Веришь?

– Не-а.

– Никто не верит, ты представляешь?

– Представляю.

– Ну и чего же нам с тобой теперь делать?

– А ты что хочешь? – (Надо же, как иногда могу!)

Антон закурил и выпустил дым через ноздри. Давно заметила за ним эту привычку: дымить носом, когда напряжен.

– Я хочу проводить время с тобой. При этом не хочу ставить под удар свою нормальную жизнь.

Обычно в такие моменты я успокаиваю себя тем, что возню нехороших мыслей типа «Вот урод» устраивает не сердце, а миндалевидное тело в мозге, то самое, отвечающее за страхи и эмоции. Я всеми силами протестую: «Как же тебе, миндалевидное тело, не стыдно? Посмотри вон на префронтальную кору – какая она искусница в вопросах рационального». Молодцы, конечно, эти популяризаторы науки – ловко своими книжками снимают с нас ответственность и субъ-

ектность. Мол, никакой ты не хозяин жизни, хозяева – нейроны в твоём мозгу.

После, услышав «Давай, что ль, сегодня ко мне», я ожидаемо поплыла. Чёртовы нейроны. Ни стыда перед Вадиком, ни чувства вины перед *ней*, одно лишь предвкушение встречи. И ходишь потом совершенной душой – никого не слушаешь, улыбаешься песням, заглядываешься на небо.

Как же я это люблю.

* * *

О своих прямых обязанностях я вспомнила лишь к дискотеке. Сначала дала девчонкам задание выбрать книжку на чтения. Канючили «Сумерки», но я отвергла ее, спросив: «А чего уж тогда не “50 оттенков серого”?» (покрасневшие щеки, некуда деть глаза).

Маша предложила компромисс в виде «Грозового перевала»: «Между прочим, Белла из “Сумерек” читала эту книжку!» И была поддержана Катей. Сказала: «Норм тема, это про дворянскую телку, которая застэнила нищеброда». Смысл слово «застэнила» я уточнять не стала, чтобы не ронять авторитет прогрессивного педагога.

Болтая с девчонками, я заметила Юлю – ту самую, с мужским шампунем. Она была единственной в девичьей комнате, не принимавшей участия в разговорах, чем-то сосредото-

ченно занимаясь у себя на кровати. Я подошла ближе и увидела, что она кромсает ножницами концы джинсов.

Я кивнула на край матраса, глазами спрашивая, можно ли присесть. Юля пожала плечами.

– Что делаешь?

– Штаны режу.

– Зачем?

– Просто.

– Да ладно!

Юля отложила ножницы, мотнув головой в сторону пустой кровати. Та принадлежала Марине, давно успевшей стать самой популярной девочкой лагеря. И главной булли вместе с тем.

– И чего она?

– Сказала, что у нас джинсы с Петей одинаковые.

– И?

– Ну, типа, я пацанячьи ношу.

– Так, может, это он девчачьи носит!

Юля только вздохнула.

– И что ты теперь собираешься делать?

– Бахромку.

Я вышла в вожатскую. И, едва отыскав косметичку, которую Люся, конечно же, не положила на место, вытащила оттуда маникюрный набор. Вернувшись в спальню, я протянула ножницы Юле:

– На, они поострее.

Юля посмотрела на меня удивленно и с долей недоверия. Поколебавшись, все-таки взяла.

– Ну, как тебе день молчания?

– Да нормально, я привыкла, – ответила она, не отрываясь от штанов.

– В смысле?

– Да дома тоже говорить особо не с кем.

– Как это не с кем?

– Ну, бабушка в Липецке, а папы дома почти не бывает.

– Работает много?

– Ага, в трех магазинах охранником. Кредиты у него...

– А друзья у тебя есть? Во дворе или школе.

– Не-а.

– Почему?

Юля слегка оживилась:

– Ну, девочки у нас все просто кринжухи. А мальчики издеваются. В тетрадь харкнуть могут. Один в этом году волосы мне обрезал. – Она показала на коротенький хвост.

Я долго подбирала слова – так, чтобы они не прозвучали словами «с высоты лет» и несли хоть сколько-нибудь тепла.

– Ты не поверишь мне, наверное, но это правда: просто знай, что через несколько лет все это не будет иметь значения.

– Какая разница? Сейчас-то отстой.

– Да это понятно. Но отстой переживается легче, когда знаешь, что он закончится.

– И вам помогло?

– Ну...

– Да что вы вообще знаете про отстой?

– Много чего! Мне мама ноги брить не разрешала, и парни надо мной смеялись. Выкладывали в школьный паблик коллаж из моих фоток и крема для депиляции. Говорили, что я тупая, и чморили за поношенные вещи старшей сестры. И валентинки я сама себе отправляла на четырнадцатое февраля. Короче, я очень даже знаю, что такое отстой.

– Про валентинки-то гоните небось.

– Не, не гоню. В 7:30 утра в школу приходила, чтоб не видел никто, и кидала в ящик.

– И че потом?

– Получила медаль, поступила в другой город, накупила платьев. И ноги стала брить. Хочешь – проверь.

Юля погладила мою голень – осторожно, словно спящую кошку. Дважды, раз-раз. Я открыла было рот, чтобы продолжить спич, но в кармане тихонько дзынькнуло. Рука дернулась прочесть – дернулась даже быстрее, чем успел среагировать мозг.

«Есть подарок
мб съедобный».

Я украдкой бросила взгляд на часы – опаздываю уже на полчаса. Юля это не упустила – перехватила мой потерявший интерес взгляд и мгновенно замкнулась. Так всегда происходит, сколько ни учись сидеть на двух стульях.

– Ладно, мне отойти надо, давай завтра обсудим.

– Ага, – она равнодушно ответила, давая понять, что момент упущен и завтра ничего не будет.

Я встала с ее кровати и пошла в сторону корпуса Антона неудобным, длинным путем, чтобы не встретить Люську и не быть украденной ею в «Акварель». По дороге до его корпуса я безуспешно пыталась избавиться от чувства вины за скомканный разговор. Думала, что надо было посидеть подольше, поговорить еще. Может, обнять ее. И моментально забыла обо всем, едва фигура Антона замаячила на дороге.

– Чего такая кислая? Руку давай.

– Ты чего, увидят же! Ладно...

Проделав уже привычный ритуал с закидыванием меня в окно, мы наконец остались вдвоем. «Мб съедобным» подарком оказался квадратик некрасивого пирога. Один надрез ножа, и из-под просевшей почерневшей корки открылись белоснежные недра.

– Все просто, тут только пять ингредиентов: крем-сыр, сливки, яйца, сахар, ваниль, какие-нибудь ягоды, – говорил Антон, раскладывая по тарелкам. – Его выпекают при двухстах тридцати градусах, а из духовки вытаскивают почти сожженным. Многие боятся сжечь и выпекают при ста восьмидесяти, но это шняга полная. Выходит такое, знаешь, желеобразное говнецо. А надо при двухстах тридцати и тесто просто оставить в покое, не колоть там зубочистками или вилкой. Оно потом застынет. А чтобы разрезать нормально, нож

нагреть кипятком. Жена научила. Она у меня кондитер.

Она. У меня. Она у меня. Онауменя. Онауменяонауменяонауменя.

– Да знаю, – брякнула я, пытаюсь не придавать значения всем этим нежным местоимениям. И только потом поняла, что сказала это вслух.

Антон посмотрел на меня совершенно по-новому, с удивлением, какого я еще не видела на его лице. Своим комментарием я застала его врасплох.

– Серьезно? Откуда?

Я, милый мой, знаю даже, в каком платье у тебя на свадьбе отплясывала семиюродная золовка и на каком курорте отдыхает твой сводный деверь.

– Девчонки болтают, – нашлась я.

– Девчонки, значит, – протянул Антон. Он кормил меня с ложки, одну за другой, вишня выстреливала и выстреливала кислым, но я не говорила «стоп». Это было вкусно, вкуснее я не ела, честное слово. Хотя там, кажется, все просто: крем-сыр, сливки, яйца, сахар, ваниль, какие-нибудь ягоды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.